

Н. Н. Глубоковский

**Творения Блаженного
Августина Епископа
Иппонийского**

**Часть 10. О согласии
евангелистов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Н11

Н11 **Н. Н. Глубоковский**
Творения Блаженного Августина Епископа Иппонийского: Часть 10. О согласии евангелистов / Н. Н. Глубоковский – М.: Книга по Требованию, 2020. – 338 с.

ISBN 978-5-518-13818-6

Библиотека Творений Св. Отцов и Учителей Церкви западных, издаваемая при Киевской Духовной Академии.
Книга 29

ISBN 978-5-518-13818-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Блаженнаго Аврелія Августина, епископа Иппонійскаго четыре книги.

О согласіи Евангелистовъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Сказавши вкратцѣ о важномъ значеніи, количествѣ, порядкѣ и различномъ способѣ писанія Евангелистовъ, Августинъ, прежде, чѣмъ вести рѣчь о ихъ согласіи, дѣлаетъ возраженіе, съ одной стороны, противъ тѣхъ, которые или заняты вопросомъ: почему самъ Христосъ ничего не писалъ, или выдумываютъ, будто Имъ были написаны книги о волшебствахъ, и, съ другой, противъ тѣхъ, которые вопреки евангельскому ученію укоряютъ учениковъ Христовыхъ въ томъ, что они не только усвоили своему Учителю больше, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ,—именно, называя Его Богомъ,—но и запрещая почитаніе боговъ, научали не тому, чему сами отъ Него научились. Противъ этихъ послѣднихъ Августинъ защищаетъ ученіе Апостоловъ, словами пророческими, показывая, что должно чтить только Бога Израилева, Который одинъ только не принятый прежде Римлянами,—ибо Онъ запрещалъ вмѣстѣ съ Собою почитать другихъ боговъ,—уже подчинилъ Своему имени Римское государство, и чрезъ проповѣданіе Евангелія уничтожилъ идоловъ, исполненіе чего Онъ обѣщалъ чрезъ пророковъ Своихъ.

Глава I.—*Важное значеніе Евангелій.*

1.—Среди всего важнаго по своему божественному значенію, содержащагося въ св. Писаніи, Евангеліе по праву имѣеть высшее значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь то, что Законъ и Пророки предвозвѣстили, какъ будущее, въ Евангеліи показывается, какъ данное и совершившееся. Первыми провозвѣстниками этого были Апостолы, которые видѣли въ плоти даже лицомъ къ лицу (*etiam praesentem*) самого Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа. Они вспомнили не только то, что было слышано изъ устъ Его, или совершенно Имъ, [т. е.] сказано и сдѣлано, предъ ихъ очами; но, получивъ даръ благовѣстія озаботились возвѣститъ роду человѣческому еще и то,—о чемъ они могли узнать или раскрыть при помощи вѣрнѣйшихъ показаній и несомнѣннѣйшихъ свидѣтельствъ отъ Него ли Самого, или отъ Его родителей, или отъ кого-либо другого,—[именно] бывшее по дѣйствию свыше еще раньше выступленія ихъ Его учениками (*priusquam illi per discipulatum adhaeserint*) и достойное памяти во время Его рождества или дѣтства, или отрочества. Нѣкоторые изъ нихъ, именно Матѳей и Іоаннъ, привели въ извѣстность въ отдѣльныхъ книгахъ даже и такія записи о Немъ, которыя по ихъ мнѣнію должны быть записанными.

2.—Но чтобы не пришло на мысль, будто въ отношеніи проповѣданія и усвоенія есть нѣкоторое различіе въ томъ, что возвѣщаютъ: съ одной стороны, тѣ, которые слѣдовали за тѣмъ же Господомъ,—явившимся здѣсь въ плоти,—въ качествѣ служителей въ ученіи, а съ другой стороны, тѣ, которые съ полною вѣрою приняли открытое ими; Божественнымъ Промышленіемъ чрезъ Духа Святаго было устроено такъ, что нѣкоторымъ изъ послѣдователей первыхъ Апостоловъ было дано полномочіе не только провозглашать, но даже и написать Евангеліе: таковы Маркъ и Лука. А прочіе люди, которые пытались нѣчто писать о дѣяніяхъ Господа или Апостоловъ были въ свое время не таковы, чтобы Цер-

ковъ могла имѣть къ нимъ довѣріе и принять ихъ писанія, какъ имѣющія каноническую важность св. книгъ; и это не потому, что они были не таковы, чтобы ихъ рассказамъ не должно было вѣрить вообще, и потому, что они внесли въ свои писанія нѣчто ложное, осуждаемое вселенскимъ и аностольскимъ правиломъ вѣры и здравымъ ученіемъ.

Глава II.—*Порядокъ Евангелистовъ и способъ писанія.*

3.—Такимъ образомъ названные четыре Евангелиста, весьма извѣстные во всемъ мірѣ,—и, можетъ быть, потому четыре, что есть четыре страны земного круга, по которымъ повсемѣстно распространяется Церковь Христова,—нѣкоторымъ образомъ самымъ священнымъ значеніемъ своего числа ясно показали, что писали они въ слѣдующемъ, какъ—представляются, порядкѣ: сперва Матѳей, затѣмъ Маркъ, далѣе Лука, наконецъ, Іоаннъ. Поэтому у нихъ одинъ былъ способъ пріобрѣтенія познанія и проповѣданія, а другой писанія. Въ самомъ дѣлѣ, въ познаніи и проповѣданіи первыми были, конечно, тѣ, которые слѣдовали за Господомъ, бывшимъ въ плоти, слышали Его слова и видѣли Его дѣла, и Его устами были посланы на благовѣстіе. Но въ написаніи Евангелія, которое,—какъ должно вѣровать,—было повелѣно свыше, изъ числа тѣхъ, которыхъ Господь избралъ предъ страданіемъ, первое и послѣднее мѣсто занимаютъ только два, именно: первое Матѳей, а послѣднее—Іоаннъ; такъ что остальные два, не бывшіе въ этомъ числѣ, а только слѣдовавшіе между ними за проповѣдавшимъ Христомъ, должны были находиться какъ бы въ объятіяхъ, какъ [ихъ] сыны, и потому въ этомъ мѣстѣ они поставлены посрединѣ и какъ бы стѣною защищены съ той и другой стороны.

5.—Но изъ этихъ четырехъ только одинъ Матѳей, какъ передаетъ древнее сказаніе, писалъ на Еврейскомъ языкѣ, а остальные на Греческомъ. И хотя каждый изъ нихъ, повидимому, держался нѣкотораго своего способа повѣствованія, однако же каждый изъ нихъ не является желающимъ писать

такъ, какъ будто не имѣеть знанія о предшественникѣ, или пропускаеть, какъ неизвѣстное, то, что другой является записавшимъ, но присоединяеть не излишнее содѣйствіе и своего личнаго труда, насколько каждый въ отдѣльности получилъ откровеніе. Ибо Матѳеѣ представляется изобразившимъ воплощеніе Господа по царственному потомству и весьма многія изреченія и дѣянія Его соотвѣтственно настоящей жизни людей. Маркѣ, слѣдовавшій ему, оказывается какъ бы провожатымъ (*pedisequs*) его и сократителемъ его труда, потому что онъ съ однимъ только Іоанномъ не сказалъ ничего общаго; а самъ лично—только очень не многое, а совмѣстно съ однимъ Лукою—сравнительно меньшее; а больше всего именно съ Матѳеемъ, и притомъ въ многомъ онъ согласенъ или съ какимъ-либо однимъ, или съ прочими въ передачѣ даже почти тѣми же самыми словами. Лука же является изображающимъ преимущественно священническое происхождение и лице Господа. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и къ самому Давиду онъ подходитъ, слѣдуя не царственной линіи предковъ, а чрезъ тѣхъ, которые не были царями: онъ дошелъ до Наавана, сына Давидова (*Лук. III, 31*), который не былъ царемъ. Не такъ изображаетъ, какъ Матѳеѣ, — который, начиная Соломономъ царемъ (*Мѳ. I, 6*), прослѣдилъ по порядку прочихъ царей, сохраняя таинственное число въ ихъ ряду, о чемъ мы будемъ говорить послѣ.

Глава III.—*Матѳеѣ съ Маркомъ устремили вниманіе къ царственному, а Лука—къ священническому лицу Христа.*

5.—Дѣйствительно Господь Іисусъ Христосъ, единый истинный Царь и единый истинный Священникъ, — первое для управленія нами, а второе—для искупленія насъ,— обнаружилъ, что эти два лица, въ отдѣльности провозвѣщенные у праотцевъ, имѣли свой внѣшній образъ: во-первыхъ, въ нациси, прибитой къ Его кресту: *Царь Іудейскій*, — почему и Пилать по таинственному убѣжденію отвѣтилъ Іудеямъ: *Что я написалъ, то написалъ* (*Іоан. XIX, 19—22*),

ибо въ псалмахъ было предречено: *Не уничтожай надписанія имени* (Псал. LXXIV, 1); во-вторыхъ, касательно лица священника въ томъ, что Онъ научилъ насъ приносить и принимать жертвы, почему и предпослалъ пророчество, говорящее о Немъ: *Ты—священникъ на вѣкъ по чину Мелхиседека* (Псал. СІХ, 4). И въ многихъ другихъ памятникахъ священной письменности Христосъ является и Царемъ, и Священникомъ. Отсюда и самъ Давидъ, сыномъ котораго Онъ чаще другихъ называется, — какъ и сыномъ Авраама, — и котораго Матѳей и Лука вмѣстѣ называютъ, — первый, говоря о Его происхожденіи по нисходящей линіи чрезъ Соломона отъ Давида, а второй, возводя Его къ Давиду чрезъ Наана, — [Давидъ] хотя и былъ царемъ, однако представлялъ и лице священника, когда съѣлъ хлѣбы предложенія, которые позволительно было вкушать только однимъ священникамъ (1 Цар. XXI, 6; Мѳ XII, 3). Сюда же относится и то, что только одинъ Лука повѣствуетъ, что Маріамъ, слышавшая благовѣстіе отъ Ангела была родственницею Елисаветы, жены священника Захаріи. Объ этомъ онъ же пишетъ, что Елисавета была изъ дочерей Аарона, т. е. что Захарія имѣлъ жену изъ колѣна священниковъ (Лук. I, 36, 5).

6.—Итакъ, когда Матѳей останавливаетъ вниманіе на лицѣ Христа въ отношеніи къ царственному значенію, а Лука въ отношеніи къ священническому, то въ обоихъ отношеніяхъ они выдвигаютъ преимущественно человѣчество Христа; потому что Христосъ былъ поставленъ и Царемъ и Священникомъ, какъ человѣкъ, такъ какъ Ему далъ Богъ престолъ Давида, отца Его, чтобы царство Его не имѣло конца (Лук. I, 32, 33), и чтобы человѣкъ Христосъ былъ посредникомъ между Богомъ и человѣками, чтобы ходатайствовать за насъ (1 Тим. II, 5). Но Лука не имѣлъ такого же сокращателя [Евангелія своего], какъ Матѳей [въ лицѣ] Марка. И это, можетъ быть, тоже не безъ нѣкотораго священно-таинственнаго значенія, ибо царственнымъ лицамъ не свойствен-

но быть безъ сопровожденія спутниковъ; посему взявшій на себя изображеніе царственной личности Христа также имѣлъ какъ бы присоединеннаго къ себѣ спутника, который слѣдовалъ нѣкоторымъ образомъ по стопамъ его. А такъ какъ первосвященникъ только одинъ входилъ во святая святыхъ, то Луба, вниманіе котораго сосредоточивалось вокругъ священства, не имѣлъ какъ бы слѣдовавшаго за собою союзника, который сократилъ бы въ нѣкоторой степени его повѣствованіе.

Глава VI.—*Іоаннъ озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы изобразить Его божественность.*

7.—Но три названные Евангелиста останавливались преимущественно на тѣхъ дѣяніяхъ, которыя Христосъ временно совершалъ въ человѣческой плоти; а Іоаннъ устремилъ преимущественное вниманіе на самое божество Господа, по которому Онъ равенъ Отцу, и стремился тщательно изобразить особенно его, насколько полагалъ достаточнымъ для людей. Такимъ образомъ, онъ гораздо выше уносится по сравненію съ тремя [Евангелистами]; такъ что, когда ты видишь тѣхъ вращающимися какъ бы на землѣ съ Христомъ, какъ человѣкомъ, этотъ перешелъ за предѣлы тумановъ, облегающихъ землю и переселился къ чистому небу, откуда съ проницающею и крѣпкою [подобно стали] остротою ума созерцалъ въ началѣ Слово, Бога у Бога, Которымъ создано было все, и возвѣщаетъ, что Оно стало плотію, чтобы обитать среди насъ (Іоан. I, 1, 3, 14); что Оно приняло плоть, но не измѣнилось въ плоть. Если бы воспринятіе плоти совершилось безъ сохраненія неизмѣнности божества, то не было бы сказано: *Я и Отецъ—одно* (Іоан. X, 30), ибо Отецъ и плоть не суть одно. И это свидѣтельство Господа о Себѣ приводитъ одинъ только Іоаннъ, такъ же, какъ и слѣдующія: *Кто видѣлъ Меня, тотъ видѣлъ и Отца; Я съ Отцемъ и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. XIV, 9, 10) и: *Да будутъ едино, какъ едино и Мы* (Іоан. XVII, 22) и: *Что дѣлаетъ Отецъ,*

то дѣлаетъ также и Сынъ (Иоан. IV, 19) И если есть что-либо подобное, указывающее правильно мыслящимъ на божество Христа, по которому Онъ равенъ Отцу, то это почти только одинъ Іоаннъ предложилъ въ своемъ Евангеліи; такъ какъ онъ отъ персей Господа самого, на которыхъ обыкновенно возлежалъ на вечерахъ (Иоан. XIII, 23) Его, болѣе изобильно и нѣкоторымъ образомъ какъ бы родной (quodammodo familiaris) вгнулъ таинство божества.

Глава V.—*Дѣятели: Іоаннъ пребываетъ въ созерцательной, а другіе Евангелисты—въ дѣятельной.*

8.—Такъ какъ двѣ силы вложены въ душу человѣка: одна дѣятельная, другая созерцательная; первая та, которою движутся, вторая та, которою достигаютъ; первую дѣйствуютъ, чтобы очистить сердце для созерцанія Бога, вторая—та, которою освобождаются и созерцаютъ Бога; первая—въ предписаніяхъ для провозженія сей временной жизни, вторая—въ ученіи объ оной вѣчной жизни; то, поэтому, первая дѣйствуетъ, вторая пребываетъ въ покоѣ, ибо первая проявляется въ очищеніи грѣшниковъ, а вторая въ просвѣщеніи очищенныхъ; по той же причинѣ въ этой смертной жизни первая обнаруживается въ дѣлахъ добраго поведенія, а вторая преимущественно въ вѣрѣ, и у немногихъ, какъ бы гадательно въ зеркалѣ и отчасти, въ нѣкоторомъ созерцаніи неизмѣнной истины (1 Коринт. XIII, 12). Эти двѣ силы усматриваются изображенными въ лицѣ двухъ женъ Іакова, о которыхъ я, посильно для себя, изложилъ мысли противъ Фавста Манихея, насколько мнѣ казалось достаточнымъ для этого произведенія (Книга 22, гл. 52). Въ самомъ дѣлѣ, *Миа* понимается, какъ *трудоущаяся*, а Рахиль, какъ *начало видѣнія* (visus principium). Такимъ образомъ дается понятъ,—если ты тщательно внинешь,—что три Евангелиста, болѣе обширно изслѣдуя временныя дѣянія Господа и Его слова, которыя имѣютъ преимущественное значеніе для назиданія въ нравахъ настоящей жизни, пребывали въ этой дѣятельной силѣ, а

Іоаннь, гораздо менѣ повѣствующій о дѣяніяхъ Господа, и съ большею тщательностію и подробностію собирающій Его изреченія, которыя внушаютъ мысль о триничности Божества и блаженствѣ вѣчной жизни, удержалъ свое вниманіе и проповѣдь въ восхваленіи созерцательной силы.

Глава VI.—*Четыре животныхъ изъ Откровенія въ отношеніи къ четыремъ Евангелистамъ нѣкоторые толкователи понимаютъ болѣе подходящимъ образомъ сравнительно съ другими.*

9. —Посему мнѣ кажется, что изъ тѣхъ, которые объявили значеніе четырехъ животныхъ изъ Откровенія въ отношеніи къ Евангелистамъ, болѣе вѣроятное значеніе указали тѣ, которые относятъ льва—Матеею, человѣка—Марку, тельца—Лукѣ и орла—Іоанну, нежели тѣ, которые приписали человѣка—Матеею, орла Марку, льва—Іоанну. Дѣйствительно, они хотѣли заимствовать нѣкоторое основаніе для себя изъ начальныхъ словъ книгъ, а не изъ цѣлостнаго направленія мысли, которое должно быть преимущественно изслѣдовано. Вѣдь гораздо болѣе подходитъ къ дѣлу, чтобы тотъ, который изобразилъ преимущественно царственное лице Христа, былъ обозначенъ чрезъ льва. Поэтому и въ Откровеніи вѣсть съ царственнымъ колѣномъ упомянуть левъ, когда сказано: *Побѣдилъ левъ изъ колѣна Іуды (Откр. V, 5)*. По Матеею повѣствуется, что и волхвы пришли съ Востока для разысканія и поклоненія Царю, Который звѣздою показанъ имъ, какъ уже родившійся; и самъ Иродъ устрашается царственного Дитяти и, чтобы умертвить Его, убиваетъ всѣхъ младенцевъ (*Мѡ. II, 1—18*). А что чрезъ тельца обозначенъ былъ Лука, въ виду величайшей жертвы Первосвященника, никто въ этомъ не выражалъ сомнѣнія; ибо рѣчь повѣствователя начинается о первосвященникѣ Захаріи; тамъ же упоминается о родствѣ Маріи и Елисаветы (*Лук. I, 5, 36*); тамъ же повѣствуется объ исполненіи надъ Дитятею Христомъ перваго священнодѣйствія священства (*Лук. II, 22—24*);

также и нѣчто другое вполне (diligenter) можетъ быть отмѣчено, какъ такое, въ чемъ Лука является обратившимъ вниманіе на лице священника. Такимъ образомъ Маркъ, не имѣвшій въ виду повѣствовать ни о царственномъ родѣ, ни о священническомъ родствѣ и служеніи (consecrationem), и тѣмъ не менѣе оказывающійся занятымъ тѣмъ, что Христосъ совершалъ, какъ человѣкъ, изъ четырехъ выше названныхъ образовъ, повидимому, могъ быть обозначенъ только образомъ человѣка. Но эти три животныя: человѣкъ, левъ и телець живутъ на землѣ, поэтому три названные (isti) Евангелиста заняты преимущественно тѣмъ, что Христосъ совершилъ въ плоти и какія заповѣди преподалъ для носящихъ плоть для проведенія смертной жизни. А Іоаннъ летаетъ, какъ орелъ, надъ мракомъ (nebula) человѣческой немощи и созерцаетъ свѣтъ неизмѣнной истины острѣйшими и сильнѣйшими очами.

Глава VII. — *Причина для того, чтобы взяться за произведение о „Согласіи Евангелистовъ“. Оно направляется противъ тѣхъ, которые говорятъ, что Христосъ ничего не писалъ, а Его ученики ложно протсвѣдали о томъ, что Онъ есть Богъ.*

10.—Этихъ четырехъ святыхъ возницъ Господа, на которыхъ живущій по всему міру народъ стремится къ подчиненію Его бремени пріятному и игу легкому,—нѣкоторые преслѣдуютъ клеветами или вслѣдствіе нечестивой суетности, или вслѣдствіе неопытности и неразумія, чтобы подорвать вѣру въ несомнѣнно истинное повѣствованіе тѣхъ, чрезъ которыхъ христіанское ученіе, распространенное по всему міру, достигло такой плодотворности, что невѣрующіе люди уже едва только шопотомъ осмѣливаются произносить свои клеветы, потому что они подавлены вѣрою язычниковъ и благочестіемъ всѣхъ народовъ. Но такъ какъ они своими клеветническими разсужденіями или замедляютъ нѣкоторыхъ въ принятіи вѣры, или смущаютъ нѣкоторыхъ уже вѣрующихъ, возбуждая [сомнѣніе] ихъ насколько возможно; а съ другой стороны,

такъ какъ нѣкоторые наши братія, [движимые] спасительною вѣрою, желаютъ знать, что должно отвѣчать на такого рода вопросы, какъ для укрѣпленія своей вѣры, такъ и для опроверженія ихъ пустословія: то по вдохновенію отъ Бога и съ помощію Его (о если бы это помогло и спасенію ихъ!) мы въ настоящемъ произведеніи взяли на себя трудъ показать заблужденіе или безразсудство тѣхъ, которые воображаютъ, что они представили достаточно убѣдительныя обвиненія противъ четырехъ книгъ Евангелія, написанныхъ четырьмя отдѣльными Евангелистами; а чтобы это осуществилось, должно показать, что эти четыре писателя не противорѣчатъ сами себѣ, потому что, вѣдь, [противники] выставляютъ какъ бы побѣдную вѣтвь для себя именно то, что Евангелисты разнесловятъ между собою.

11.—Но прежде всего должно разрѣшить вопросъ,—который обыкновенно смущаетъ нѣкоторыхъ,—именно: почему Господь Самъ ничего не писалъ, чтобы необходимость вынуждала вѣрить и другимъ, писавшимъ о Немъ? Вѣдь это и говорятъ особенно тѣ язычники, которые не осмѣливаются обвинять и злословить Самого Иисуса Христа и усвояютъ Ему высочайшую премудрость, но только какъ человѣку; но они говорятъ, что ученики Его своему Учителю усвоили большее, чѣмъ Онъ былъ въ дѣйствительности, такъ что стали утверждать, будто Онъ—Сынъ Божій, Слово Божіе, Которымъ было все создано, и что Онъ и Богъ Отецъ—одно, и будто въ Апостольскихъ писаніяхъ есть нѣчто подобное, изъ чего мы узнали, что Его вмѣстѣ съ Отцемъ должно почитать единымъ Богомъ. Такимъ образомъ они полагаютъ, что Онъ долженъ быть почитаемъ, только, какъ мудрѣйшій человѣкъ, но не согласны съ тѣмъ, что Его должно чтить, какъ Бога.

12.—Такимъ образомъ, когда они спрашиваютъ, почему Онъ Самъ не писалъ, то, повидимому, они какъ будто готовы вѣровать относительно Его тому, что Онъ Самъ написалъ бы о Себѣ, но не тому, что другіе о Немъ проповѣдали по